

моимъ когда-нибудь понадобится та одежда, которой у меня просить, то я могу также противиться требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей.

Будущая любовь не существуетъ, любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. У человѣка не проявляющаго своей любви въ настоящемъ — нѣтъ любви.

Человѣкъ, отказавшійся отъ блага своей индивидуальности, совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы знать, что онъ долженъ возратить Изъ того, что взялъ у другихъ людей и какимъ любимымъ существамъ отдать это. Ему нѣтъ дѣла до того, есть ли другая любовь сильнѣйшая, чѣмъ та, которая влечетъ его въ настоящее время, онъ отрекается отъ самого себя и посвящаетъ свое существованіе любви, которая доступна ему и которую онъ видитъ предъ собою. Это единственная любовь, которая можетъ *вполнѣ удовлетворить разумную природу человека.*

Но это очевидно не есть отвѣтъ на вопросы, поднятые графомъ Толстымъ. Допустивъ даже, что человѣческая дѣятельность должна всегда руководствоваться любовью въ настоящемъ—это нисколько не устраняетъ возможности коллизіи между любовью къ отечеству, къ родителямъ или къ дѣтямъ. Въ примѣрѣ, выбранномъ графомъ Толстымъ, стоитъ предположить только, что забнетъ не одинъ, а два ребенка, и роковымъ образомъ является вопросъ о